

А. Н. Саликов
РЕЦЕПЦИЯ
КАНТОВСКОГО ПОНЯТИЯ
SENSUS COMMUNIS
В ТЕОРИИ СПОСОБНОСТИ
СУЖДЕНИЯ
ХАННЫ АРЕНДТ*

*Рассматриваются особенности интерпретации кантовского понятия *sensus communis* в политической философии Ханны Арендт. На основании кантовского учения о способности суждения Арендт пытается выработать политическую теорию, которая была бы способна реабилитировать политическую жизнь в современном мире. Понятие *sensus communis* играет в этом важную роль.*

*Gegenstand der Erörterung im vorliegenden Beitrag ist das Eigentümliche der Interpretation des Kantschen Begriffes *sensus communis* in der politischen Philosophie von Hannah Arendt. Aufgrund der Lehre Kants von der Urteilskraft versucht Arendt eine politische Theorie zu erarbeiten, die das politische Leben in der modernen Welt rehabilitieren könnte. Dabei spielt der Begriff *sensus communis* eine entscheidende Rolle.*

Ханна Арендт предпочитала, чтобы ее занятие политическими вопросами называли политической теорией, а не политической философией. Причиной «нелюбви» Арендт к философии стало ее глубокое убеждение, что многие философы, за редким исключением, каким был Кант, всегда противопоставляли философию и политику. Говоря ее собственными словами: «Таким образом, существует своего рода враждебность по отношению к любой политике у большинства философов, за исключением немногих, за исключением Канта»¹ [11]. Таким образом, две области человеческого бытия, «чистое» мышление, или умозрительное созерцание, и область публичных поступков, или сфера политического, всегда оказывались «параллельными мирами», которые сосуществуют рядом, но никогда при этом не пересекаются. Без сомнения, скепсис Ханны Арендт по отношению способности так называемого «чистого» мышления к пониманию своеобразия феномена политического, к осмыслению человеческих

* Автор благодарит Дрезденский институт по изучению вопросов тоталитаризма имени Ханны Арендт (Hannah-Arendt-Institut für Totalitarismusforschung e.V. an der TU Dresden) за всестороннюю поддержку в деле изучения теоретического наследия Ханны Арендт.

¹ Из телевизионного интервью, которое взял у Ханны Арендт в 1964 г. немецкий журналист Гюнтер Гаус (Gunter Gaus) для западногерманского канала ZDF.

поступков в реальном мире подвергся влиянию горького опыта, который она пережила во время национал-социалистической диктатуры в Германии. Возможно, к подобному видению ситуации Арендт подтолкнул и пример ее учителя Мартина Хайдеггера, который если и не поддерживал нацистский режим, то по крайней мере не уклонялся от сотрудничества с ним. А для Ханны Арендт сотрудничество с тоталитарным режимом Гитлера было равносильно соучастию, хотя и не в полной мере, в его преступлениях. Таким образом, из пережитого личного опыта у Арендт сложилось твердое убеждение, что произошел разрыв между чистым мышлением философов и сферой политическое — разрыв, ликвидировать который мышление оказалось не в состоянии.

Другой отправной точкой ее обращения к проблематике суждения стал судебный процесс над нацистским преступником Адольфом Эйхманном, который состоялся в 1961 г. в Иерусалиме и на котором Арендт присутствовала в качестве репортера американского журнала «The New Yorker». Этот процесс вскрыл неспособность современного «массового» человека принять самостоятельное решение в критических, нестандартных ситуациях, в которых нет заранее известного ответа на вопрос, как следует поступить в тех или иных обстоятельствах. В кантовских терминах это можно было бы назвать нехваткой рефлектирующей способности суждения².

Немецкий исследователь творчества Арендт Эрнст Фолльрат (Ernst Vollrath) [16, с. 228] справедливо отмечает, что, пожалуй, никто настолько отчетливо не выдвигал никогда на передний план отношение между действием и мышлением, как Ханна Арендт. Более того, она делает это отношение основой своего понимания феномена политического, а стремление Арендт к прояснению этого отношения составляет подлинный центр ее политической философии. Стремление преодолеть пропасть, которая в XX в. стала казаться непреодолимой, между теоретическим мышлением и практическим действием привело ее к Канту. В системе Канта связующую роль между областью понятия природы и областью понятия свободы играет способность суждения. По замыслу кенигсбергского философа, способность суждения должна объединить собой мир природы и свободы, явлений и вещей самих по себе — то есть, в арендтовском понимании, призвана устранить пропасть между «чистым» мышлением и действием, прежде всего политическим. В §40 «Критики эстетической способности суждения», первой части кантовской «Критики способности суждения», Арендт находит основание для своей политической теории. В письме Карлу Ясперсу от 29 августа 1957 г. она пишет: «В настоящий момент читаю с всевозрастающим воодушевлением "Критику способности суждения". В ней скрыта настоящая политическая философия Канта, не в "Критике практического разума". Похвальное слово столь ругаемому "общему чувству", феномен вкуса как основной феномен способности суждения — что он предположительно есть во всех аристократах — принимается по-философски всерьез, "широкий характер мышления", который относится к суждению, означающий, что можно думать на месте другого. Требование сообщаемости. Это опыт юного Канта в обществе; и потом снова оживленный стариком» [11, с. 355]. Как указывает сама Ханна Арендт в приве-

² Как известно, Кант выделяет два вида способности суждения: *определяющую*, которая подводит особенное под общее, уже известное правило, и *рефлектирующую*, которая выносит суждения в ситуации, когда этого правила не существует и нам еще только предстоит сформулировать, или найти, общее правило для специфической ситуации.

денном выше письме, Кант, который ее интересует, это Кант «Критики способности суждения», а не «Критики практического разума», исходя из принципов которой Кант сам развил то, что называют его политической философией. Однако у Канта не только отсутствует где-либо название этой традиционной дисциплины, но это отсутствие, по мнению Эрнста Фолльрата [15, с. 232], дает нам право предположить, что его «политическое» мышление не отличалось особой оригинальностью: он следует традиционному немецкому восприятию политического своего времени, которое, основываясь на тогдашних немецких политических и социальных реалиях, отождествляло политическое и социальное. Кант, как и многие другие в его время и после него, называет поэтому всю данную область «государственным правом», поскольку государство совершенно естественным образом идентифицируется с государством как правовым субъектом. Насколько Э. Фолльрат прав, это совсем другое дело. Ханна Арент, по всей видимости, разделяла вышеуказанную точку зрения, если она объявляет настоящей кантовской политической философией не официальную «политическую философию» Канта, его «государственное право», а «Критику способности суждения». В ее представлении, не подлежит никакому сомнению то, «что первая часть "Критики способности суждения" является собственно философией политики... Свобода оказывается в "Критике способности суждения" предметом силы воображения, не воли, и сила воображения тесно связана с тем "широким характером мышления", который является политическим *par excellence*, потому что благодаря ему мы имеем возможность думать на месте других» [7, с. 685].

Основной интерес в кантовском учении о способности суждения для Арент представляет понимание Кантом эстетических суждений как чего-то большего, чем просто субъективных индивидуальных восприятий: в суждениях вкуса человек ссылается на одинаково присущее всем людям всеобщее — *sensus communis*, или «общее чувство». Арент усматривает параллель между эстетическими суждениями и разнообразными субъективными восприятиями различных политических мнений и суждений. По мнению Арент, хотя политические суждения и являются индивидуальными, но они, подобно суждениям вкуса у Канта, основываются на некоем общечеловеческом и общезначимом «общем чувстве». Арент пытается приспособить кантовскую эстетику для нужд политической философии, стремясь при этом разрешить коренное противоречие своей политической теории между свободой и спонтанностью индивидуальных поступков, с одной стороны, и их общезначимостью — с другой. Поиски выхода из этого тупика приводят ее к кантовскому понятию «общего чувства» (*Gemeinsinn*) — *sensus communis*.

Сама по себе идея некоего «общего чувства» была известна и до Канта, она становилась предметом жаркой полемики о вкусе в XVIII в., ее активно применял, к примеру, Моисей Мендельсон в качестве руководящего средства для максимы необходимости ориентироваться в спекулятивном применении разума, которое он называл то духом солидарности (*Gemeinsinn*) («Утренние часы»), то здравым разумом, то простым человеческим рассудком («Письма друзьям Лессинга»), за что и был подвергнут критике Кантом в работе поздних лет «Что значит ориентироваться в мышлении?» [4]. На неоднозначность понятия *sensus communis* справедливо указывает А. В. Магун, отмечая, что общепринятому значению *sensus communis* в русском языке соответствует выражение «здравый смысл». Однако при таком переводе смысловое содержание этого словосочетания существенно обедняется, теряя значение все-

общности и интерсубъективности, которое определяло толкование понятия *sensus communis* как у Канта [3, с. 165—168], так и у Арендт в «Лекциях по политической философии Канта». Наряду с *sensus communis* Кант использует и немецкий эквивалент этого выражения, в котором, в отличие от русского перевода, присутствуют оба главных значения данного латинизма: 1) здравый человеческий смысл и 2) общее человеческое чувство.

К идее *sensus communis* Кант приходит в «Критике эстетической способности суждения», исследуя вопрос о значимости суждений вкуса, т. е. эстетических суждений, которые образуются без опосредующей помощи понятий. В. Ф. Асмус [1, с. 444] отмечает, что к выделению эстетического в особую область Канта привело его стремление указать специфические признаки прекрасного. А это лишь один из видов оценок. Видимо, Кант стремился определить специфику оценок вообще. Эстетическое отделяется не только от сферы познания, но и от сферы этического. Область суждений вкуса у Канта вполне автономна и независима.

Однако, в отличие от моральных суждений, претендующих на объективную значимость и, следовательно, на объективную всеобщность, определяющее основание эстетического суждения может быть «только субъективным» [3, с. 203]. Это означает, что суждения вкуса могут претендовать только на субъективную всеобщность. Но даже на субъективную всеобщность суждения вкуса могут претендовать лишь в том случае, если они не являются пристрастными или заинтересованными. Истинное, «чистое» суждение вкуса, лишённое всякого частного интереса, не только выражает личное впечатление человека от предмета, но и претендует на значение для всех. Так, к примеру, если кто-либо называет предмет прекрасным или безобразным, то он ожидает, что и другие люди согласятся с ним и оценят этот предмет точно так же. Если в суждения вкуса каким-либо образом проникает индивидуальный интерес, они имеют значение только для данного конкретного индивида и о таких эстетических суждениях «не спорят». Однако незаинтересованные и беспристрастные суждения вкуса, образованные без помощи понятий, возможны только тогда, когда предполагается нечто вроде «идеи общего чувства». По мысли Канта, суждения вкуса «должны располагать субъективным принципом, который только посредством чувства, а не понятий, но все же с общезначимостью определяет, что нравится и что не нравится. Подобный принцип можно рассматривать лишь как общее чувство» [3, с. 76]. Общее чувство не является внешним чувством, а представляет собой свободную игру наших познавательных способностей. Оно не дано нам объективно, но без него не может быть вынесено ни одно эстетическое суждение.

Общее (эстетическое) чувство присуще каждому, поскольку человеку свойственно испытывать эстетическое удовольствие от созерцания прекрасного, которое не связано ни с материальной выгодой от прекрасного предмета, ни с чувственным удовольствием от него. Кант понимает под *sensus communis* «идею общего для всех чувства, т. е. способности суждения, мысленно (априорно) принимать во внимание способ представления каждого, чтобы таким образом исходить в своем суждении как бы из всеобщего человеческого разума и избежать иллюзии, которая в силу субъективных частных условий, легко принимаемых за объективные, могла бы оказать вредное влияние на суждение» [3, с. 134]. От субъективных частных условий, согласно Канту, следует абстрагироваться. Благодаря идее *sensus communis* у человека появляется возможность освободиться от своих случайных «субъективных ча-

стных условий» при суждении. Это достигается тем, что в представлении о предмете опускается индивидуальное ощущение, а внимание обращается исключительно на формальные особенности своего представления и своего созданного представлением состояния [3, с. 134]. Лишь абстрагирование от «привлекательности или трогательности» — от приятности во всех ее видах и проявлениях — делает возможным суждение, которое «должно служить общим правилом» [3, с. 134].

Очевидно, что вопрос о субъективной всеобщности, о том, каким образом человек может рассчитывать на всеобщее согласие с субъективным суждением, чрезвычайно важен для политики. Политика тем и отличается от других областей человеческого бытия, что в ней нет непреложных истин и наши суждения относительно того, каким должен быть мир в котором мы живем, мы предоставляем на суд других людей, с которыми мы его разделяем. В политических вопросах, подобно вопросам вкуса, мы можем только попытаться убедить других взглянуть на вещи под иным углом, но не можем при этом заставить их это сделать посредством апелляции к законам и правилам, как это происходит в области морали или же в науке. Аренд была права, усматривая большой потенциал эстетической теории Канта в качестве теоретической базы для решения политических проблем. На политические возможности кантовской теории вкуса указывает в своей статье «Этика, политика и суждения вкуса: Аренд против Канта» и американский философ Джеймс Лоолер: «Настоящее политическое действие включает готовность разделить с другими общее пространство, уважать мнения других и предчувствовать их, формулируя наше собственное. Политический спор идет не об очевидных истинах, где достаточно только распространить наши доказательства и ожидать, чтобы другие либо убедились в их правильности, либо обнаружили ошибку. Оправданно с нашей стороны обсуждать только вещи, о которых могут быть разные мнения. Кажется, что так обстоит дело и в вопросах эстетического вкуса. В суждениях, включающих в себя вкус, мы должны предвосхищать суждения других. Все вместе мы соучаствуем в общей для нас арене жизни, строя эту общую жизнь посредством наших индивидуальных выборов — выборов, ограниченных нашим здравым смыслом или чувством сообщества» [5, с. 16—33]. В суждениях вкуса человек абстрагируется от своих частных индивидуальных условий и переходит в некую область, в которой отсутствует какой-либо частный интерес и которая по этой причине может стать intersubъективным пространством *между* одинаково общим для всех его участников. Однако, по Канту, в этом процессе абстрагирования не принимаются во внимание не только собственные частные условия, но также частные условия других. Исходить в своем суждении из «всеобщего человеческого разума» означает, по Канту, то, что для абстрагирования, которое позволяет нам добиваться согласия других людей, «свое суждение сопоставляют с суждениями других, не столько действительными, сколько возможными» [3, с. 134]. С этим утверждением Канта связана проблема, которая непременно должна проявиться при переносе кантовской эстетической теории в политическую сферу. В своей критике Аренд на это указывает Бэрри Кларк, утверждая, что у Канта речь идет «скорее о возможных, чем о действительных суждениях других» [12, с. 426]. Еще более радикально трактует этот момент кантовской теории эстетических суждений Франк Герменау, когда в своей работе «Способность суждения как политическая способность» он пишет, что у Канта значение других для способности суждения «появляется, чтобы затем снова исчезнуть в идее для цели абстракции» [14, с. 63].

Можно ли согласиться с Герменау? Пожалуй, нет. Действительно, в отдельных местах «Критики способности суждения» Кант ясно дает понять, что «всеобщий голос», т. е. общее чувство, лишь постулируется и тем самым является «всего лишь идеей» [3, с. 53]. Однако буквально в этом же месте он указывает, что хотя «всеобщий голос» и является скорее идеей, чем существует на самом деле, а следовательно, и суждение вкуса «не *постулирует* согласия каждого», оно только *предполагает* в каждом это согласие как частный случай правила, подтверждения которого оно ожидает не от понятия, а от согласия других» [3, с. 53]. Таким образом, в качестве некоего критерия правильности вынесенного суждения ожидается согласие как воображаемых, так и реальных других. Это означает, что Арендт, опираясь в своей теории способности суждения на кантовские представления из «Критики способности суждения», была права, подчеркивая, что для вынесения собственного суждения вкуса Кант полагает необходимость учета суждений не только абстрактных, но и вполне конкретных людей. Скорее всего, у Канта имеется в виду не только формальный процесс абстрагирования, но вместе с тем фактическое принятие во внимание суждений других, если он подчеркивает, что «общую точку зрения можно определить, только становясь на точку зрения других» [3, с. 135—136].

Арендт принципиально важно показать значимость суждений других людей для вынесения собственного суждения вкуса у Канта, поскольку это означает, что необходимым условием для нормального функционирования рефлексивной способности суждения в области вкуса, а следовательно, и в сфере политического является общительность. Она видит в этом выражение кантовского интеллектуального опыта, который Кант в письме Маркусу Герцу описал следующим образом: «Я всегда надеюсь благодаря тому, что беспристрастно рассматриваю свои суждения с точки зрения других, приобрести нечто третье, что будет лучше, чем мое прежнее» [15, с. 93]. Арендт подчеркивает, что для суждения некое реально существующее сообщество необходимо: «Когда человек выносит суждения, то он судит как член общества» [10, с. 97], а «не как член некоего сверхчувственного мира» [10, с. 91]. «... "Sensus communis" является тем, к чему апеллирует суждение в каждом из нас, и это та возможная апелляция, которая дает суждению ее символическую значимость» [10, с. 96]. Sensus communis, к которому апеллирует суждение, становится у Арендт даже критерием суждения [10, с. 93]. Однако она не хотела бы делать суждение зависимым от данного общества, поэтому у Арендт остается нерешенным и вопрос о том, идет ли речь о реальном или виртуальном сообществе: «Суждения выносятся всегда в качестве члена некоего общества, ведомые своим общим чувством, своим sensus communis. Все же, в конечном итоге, человек является членом мирового сообщества посредством простого факта своего бытия человеком; это — наша "всемирно-гражданская сущность"» [10, с. 100].

На это высказывание Арендт ссылается Райнер Форст (Rainer Forst) в своей книге «Контексты справедливости» [13]. Он трактует арендтовское притязание на субъективную всеобщность политических суждений (совершенно аналогичное притязанию Канта на субъективную всеобщность суждений вкуса) как притязание на объективную всеобщность, подобную объективной всеобщности моральных суждений. «Судить морально, — пишет Форст, ссылаясь на Арендт, — означает рассматривать ... других в качестве членов сообщества, охватывающего всех людей, и поступать по отношению к каждому здесь и сейчас так, как это может быть оправдано всеобщим принципом. Это смысл "рефлектирующей" способности суждения, которая особенное подво-

дит не под общее, но снабжает его авторитетом, позволяющим требовать общезначимые основания для поступков...» [13, с. 407]. Однако, как справедливо отмечает Герменау, трактовка высказываний Арендт об априорном участии каждого человека в некоем мировом сообществе у Форста в большей мере ориентирована на Канта и его моральный универсализм. В действительности Арендт, хотя и цитирует по случаю высказывание Канта о человечестве как регулятивной идее, никогда не использует ее в своей теории, поскольку этой идее, по ее мнению, не могут соответствовать никакие действительные политические институты, т.е. такие, внутри которых политическая моральность была бы представима фактически, а не только как принятая абстракция. И там, где Арендт обращает внимание на условия функционирования способности суждения, она всегда имеет в виду партикулярные сообщества и никогда — регулятивную идею.

Ханну Арендт нельзя упрекнуть в стремлении уподобить политику морали и придать политическим суждениям, подобно суждениям морали, всеобщую значимость и объективность. Политика, согласно Арендт, коренным образом отличается от морали и их ни в коем случае нельзя смешивать между собой. Подобно Канту, который выделял эстетическое в самостоятельную и автономную область, Ханна Арендт столь же отчетливо отделяет область политического от других сфер человеческого бытия. От морали политику отличает отсутствие объективного критерия — морального закона, руководствуясь которым совершаются моральные поступки. Кроме того, область политического отличается от области морального инвариантностью и плюральностью. Истинная политика, как ее понимала Арендт, основывается на различных мнениях множества людей, которые посредством «действия и говорения» пытаются придти к согласию относительно настоящего и будущего совместного для всех мира. Залогом того, что это согласие не является иллюзией и может быть достигнуто в действительности, по крайней мере между отдельными группами людей, является общее для всех чувство.

Однако не следует забывать, что понятие *sensus communis* употребляется у Канта в двух смыслах: здравый смысл и общее эстетическое чувство [3, с. 76, 136]. Кант даже находит необходимым в каждом из данных значений к выражению *sensus communis* добавлять соответствующее латинское определение, указывающее на то, какой именно смысл в том или ином конкретном случае в него вкладывается: «Вкус можно было бы определить как *sensus communis aestheticus* (общее эстетическое чувство), а обычный здравый рассудок — как *sensus communis logicus* (логический здравый смысл)» [3, с. 136]. Суть различия между этими двумя значениями *sensus communis* заключается в том, что посредством общего эстетического чувства суждения выносятся спонтанно и без опосредования понятиями или системами, в то время как «рассудок выносит суждения не на основании чувств, а всегда на основании понятия, хотя обычно только в качестве смутно представимых принципов» [3, с. 76].

Представить себе политические суждения можно на основании и общего эстетического чувства, и логического здравого смысла. И в том и в другом случае политическое суждение будет представлять собой акт оценки. Однако вынесение политического суждения на основании одного лишь эстетического чувства будет мало отличаться от бездумности, которую Арендт так страстно клеймила в «Эйхманн в Иерусалиме». По сути, суждение на основании одного лишь эстетического чувства означало бы, если перефразировать известную русскую пословицу, «встречу по одежке, а не по уму». Главным в этом случае становится произведенный внешний эффект, а не внутреннее

содержание. К сожалению, следует признать, что многие в современном мире выносят политические суждения именно на основании эстетических предпочтений, а не опираясь на здравый смысл. Яркая, запоминающаяся партийная символика, привлекательный внешне образ лидера партии, частое мелькание на телеэкране, мода и популярность — все это становится причиной, по которой миллионы избирателей отдают свои голоса на выборах тем или иным политическим партиям или кандидатам на выборные должности. Принятие решения на основании одного эстетического вкуса не требует глубоких размышлений, достаточно лишь того, чтобы объект нашего решения нам понравился. Это открывает дорогу всевозможного рода злоупотреблениям, поскольку появляется возможность повлиять на суждения избирателей при помощи внешних эффектов, не имеющих никакого отношения к настоящей политике. Возможно, именно этим следует объяснить наличие у многих крупных политиков целых команд стилистов, имиджмейкеров и PR-технологов, главная задача которых — обеспечить своему работодателю наиболее привлекательный публичный образ. В то время как использование здравого логического смысла требует от человека внимательного изучения программы политической партии и взвешенной оценки, не зависящей от внешних атрибутов. Согласно Канту, обычный (или здравый) человеческий рассудок руководствуется тремя максимами: 1) мыслить самостоятельно; 2) мыслить, ставя себя на место другого; 3) всегда мыслить в согласии с самим собой. Следование этим максимами способно уберечь нас от бездумности.

Для Арндт общее чувство является чувством совместной данности человека и мира, человека и другого человека. Оно дает нам ощущение мира как «общего для всех людей дома». Мы разделяем с другими людьми заботу об этом общем для нас мире, потому что нам важно, как он будет выглядеть в дальнейшем и каким образом мы должны будем в нем поступать относительно других его участников в будущем. Это чувство не дано нам объективно, но потеря его — знак нашего времени: «отчуждение от мира, а не отчуждение от самого себя ... является приметой Нового времени» [8, с. 249].

Понятие общего чувства, или *sensus communis*, которое Арндт, без сомнения, заимствует у Канта, играет важную роль в ее теории политической способности суждения. С ним она связывает надежду на возрождение политического как единственной области, в которой возможна реализация человеческой свободы. Приспосабливая кантовское понятие *sensus communis* под нужды своей политической теории, Арндт не стремится в точности следовать мыслям Канта. Речь здесь скорее идет о встраивании отдельных кантовских идей и понятий, истолкованных в духе политической философии, в ее собственную политическую теорию. Так, в рассмотренном в данной работе случае Арндт пытается преодолеть посредством привлечения кантовского понятия общего (эстетического) чувства разрыв между субъективностью и спонтанностью суждений в политической сфере, с одной стороны, и их общезначимостью — с другой. Вопрос о том, насколько ей это удалось, остается открытым.

Список литературы

1. Асмус В. Ф. Иммануил Кант. М., 1973.
2. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Сочинения: В 8 т. М., 1994.
3. Кант И. Критика Способности суждения // Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 5. М., 1994.

4. *Кант И.* Что значит ориентироваться в мышлении? // *Кант И.* Сочинения: В 8 т. Т. 5. М., 1994.
5. *Лоолер Д.* Этика, политика и суждения вкуса: Арендт против Канта // *Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия.* 1997. № 2. С. 16—33.
6. *Магун А. В.* Понятие суждения в философии Ханны Арендт // *Вопросы философии.* 1998. № 11. С. 102—115.
7. *Arendt H.* Kultur und Politik // *Merkur* 12. 1958. Nr. 130.
8. *Arendt H.* Vita activa — Oder vom tätigen Leben. München, 1960.
9. *Arendt H.* Was bleibt? Es bleibt die Muttersprache // *Günter Gaus.* Zur Person. Portraits in Frage und Antwort. 12. ZDF. Günter Gaus im Gespräch mit Hannah Arendt. Sendung vom 28.10.1964.
10. *Arendt H.* Das Urteilen. Texte zu Kants politischer Philosophie. Herausgegeben und mit einem Essay von Ronald Beiner. Aus dem Amerikanischem von Ursula Ludz. München; Zürich, 1985.
11. *Arendt Hannah / Karl Jaspers.* Briefwechsel 1926—1969. München, 1985. Nr. 209.
12. *Clarke B.* Beyond the «Banality of Evil» // *British Journal of Political Science.* 10. S. 417—439.
13. *Forst R.* Kontexte der Gerechtigkeit. Politische Philosophie, jenseits von Liberalismus und Kommunitarismus. Frankfurt a/M., 1994.
14. *Hermenau F.* Urteilskraft als politisches Vermögen. Zu Hannah Arendts Theorie der Urteilskraft. Lüneburg, 1999.
15. *Kant I.* Briefwechsel. Auswahl Schöndörffer, 3. Aufl. Hamburg, 1986.
16. *Vollrath E.* Handeln und Urteilen. Zur Problematik von Hannah Arendts Lektüre von Kants «Kritik der Urteilskraft» unter einer politischen Perspektive // *Münkler, Herfried (Hrsg.):* Bürgerreligion und Bürgertugend: Debatten über die vopolitischen Grundlagen politischer Ordnung. Baden-Baden, 1996.

Об авторе

Саликов Алексей Николаевич — ассистент кафедры философии и логики, Российский государственный университет им. И. Канта, salikov123@mail.ru.